

Инженеръ-генералъ Борисъ Антоновичъ Шванебахъ¹⁾.

(Изъ его воспоминаній и изъ воспоминаній о немъ).

Пока мы, набранные въ училище молодые люди или юнцы, сновали по заламъ и корридорамъ, а Б. А. Шванебахъ насъ усердно по нѣскольку разъ въ день навѣщалъ, — появились два офицера, которыхъ онъ намъ отрекомендовалъ, какъ только-что зачисленныхъ собственно въ число дежурныхъ офицеровъ училища, т. е. будущихъ нашихъ сослуживцевъ.

Ничего особеннаго, кромѣ того, что это были первыя ласточки, они собой не представляли, однако, именно, какъ появившіеся первыми, они въ память cadaго изъ насъ, юнкеровъ, вѣзались навсегда. — То были, — 1-й гренадерской арт. бригады поручикъ Владиміръ Александровичъ Юзвickій и л.-гв. гренадерскаго полка поручикъ Константинъ Николаевичъ Кузьминъ. — Оба они были одинаково — до застѣнчивости скромные и крайне деликатные; въ числѣ офицеровъ, съ которыми мы только-что разстались въ корпусѣ, такихъ почти и не было.

— На первыхъ порахъ я вамъ подобралъ вполне воспитанныхъ офицеровъ, тихихъ, скромныхъ, присмотритесь къ нимъ, сказалъ Б. А. намъ, ближе къ нему находившимся; поговорите съ ними; только не смущайте ихъ и не конфузьте, это „положительно“ такіе скромные молодые люди, какими вамъ всѣмъ слѣдуетъ остаться навсегда. — Оба они окончили уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ курсъ въ 1-мъ Московскомъ корпусѣ; — это послѣднее тоже отчасти было причиной того, что я согласился зачислить ихъ въ училище: по крайней мѣрѣ они

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ Январь 1914 г.

хорошо знают нравы своихъ однокашниковъ изъ васъ—бунтарей, добавилъ шутя Б. А., очевидно припоминая Лермонтовско-Ашенбреннерскую исторію.

Нельзя же не цѣнить въ нихъ то, что они остались такими скромниками послѣ того, какъ прослужили въ строю по 6—7 лѣтъ; артиллеристъ поручикъ Юзвickій,—побывавъ въ артиллерійской академіи, поступилъ въ гренадерскую бригаду здѣсь въ Москвѣ, а поручикъ Кузьминъ, окончивъ курсъ академіи генеральнаго штаба и послуживъ въ полку, успѣлъ и васъ не одинъ годъ кое-чему обучать.

Дѣйствительно, къ тому времени прошло года два, какъ Кузьминъ прослужилъ въ 1 Московскомъ корпусѣ;—тамъ онъ зимою преподавалъ тактику, а лѣтомъ „водилъ насъ въ окрестностяхъ села Коломенскаго на съемку, т. е. руководилъ нашими занятіями по топографіи; оба они окончили курсъ въ корпусѣ около 1856 года.

— Въ числѣ вашихъ офицеровъ воспитателей 1-го корпуса, продолжалъ рассказывать Б. А., я было присмотрѣлся къ двумъ бросавшимся въ глаза по своей, выходящей изъ ряда, воспитанности—къ родному брату Юзвickaго Алексѣю Александровичу,—Юзвickaе видимо члены особой, хорошей семьи и къ Гулевичу, Анатолю Венедиктовичу; обоимъ имъ я предложилъ поступить въ училище, но первый оказался слишкомъ старослужащимъ—выпуска 1847-го года, всѣ вы, кажется, въ томъ году и позже родились, а второй хотя и товарищъ по выпуску изъ того же корпуса Кузьмина и Юзвickaго, этихъ двухъ уже взятыхъ мною въ училище офицеровъ, такой же скромный и положительно въ высшей степени приличный, но ни за что не согласился принять мое предложеніе; я очень объ этомъ послѣднемъ жалѣю, это положительно для училища потеря ¹⁾.

* * *

Въ теченіе послѣдовавшихъ затѣмъ дней Б. А. Шванебахъ намъ объявилъ списки распредѣленія насъ по четыремъ ротамъ и по 12 классамъ, т. е. по двумъ классамъ—старшему и млад-

¹⁾ Въ томъ же году ротный офицеръ 1-го Московскаго кадетскаго корпуса поручикъ Анатолий Венедиктовичъ Гулевичъ былъ избранъ для перевода въ пажескій Его Императорскаго Величества корпусъ, въ коемъ и прослужилъ болѣе десяти лѣтъ, пропустивъ черезъ свои руки нѣсколько поколѣній воспитанниковъ, также какъ раньше, въ теченіе четырехъ-пяти лѣтъ, довелось ему пропустить черезъ свое въ высокой степени благотворное вліяніе кадетъ въ родномъ ему 1 Московскомъ корпусѣ.

нему, соответственно тому, что въ корпусѣ мы должны были бы составлять 1-й и 2-й спеціальныя классы; при чемъ здѣсь явилось необходимымъ каждый классъ раздѣлить на шесть отдѣленій для мелкихъ классовъ занятій.—Дѣло раздѣленія на роты и на классы, какъ ни казалось простымъ—отняло два дня.—Б. А. Шванебахъ неустанно ходилъ, назначая насъ то въ ту, то въ другую группу, переводилъ, ставилъ опять обратно, что-то соображалъ,—наконецъ сказалъ, обратившись къ Кузьмину и Юзвицкому:—ну вотъ, благодаря вамъ, г.г. офицеры, скоро удалось мнѣ это дѣло уладить, позвольте васъ поблагодарить, вотъ это, положительно, вашъ первый въ училищѣ служебный, нелегкій трудъ, отъ души благодарю.

Всѣ мы видѣли, что если этотъ небольшой трудъ и не былъ вполне легкимъ,—то, во всякомъ случаѣ, успѣшно законченнымъ онъ оказался благодаря лишь исключительно энергій самого, сильно потрудившагося полковника Б. А. и Кузьмину и Юзвицкому, съ ихъ бросавшеюся въ глаза нерѣшительностью и медлительностью, ничего не удалось бы подѣлать въ этой хотя бы и мелочной работѣ.—Всѣ мы это видѣли, сознавали, и каждый изъ насъ пришелъ въ этомъ отношеніи къ своему заключенію, при которомъ и остался, понимая быть можетъ, что Б. А. Шванебахъ успѣхъ этого пустяка приписалъ своимъ сотрудникамъ по своей неисчерпаемой деликатности, подсказавшей ему желаніе ихъ ободрить.—Но между нами нашелся одинъ съ погонами Воронежскаго корпуса кадетъ, который, какъ говорится, „что подумалъ, то и брякнулъ“.

— Ну, что же, объ чемъ говорить, господинъ полковникъ, вы это сами сдѣлали, исключительно вы, эти г.г. офицеры, прекрасные люди, но они, народъ тихій и со своей скромностью въ этомъ мало вамъ помогли.

Мы всѣ, окружавшіе этого болтуна товарищи, готовы были сквозь землю провалиться.

— Мало, мало, это правда, произнесъ сконфуженный улыбаясь поручикъ Кузьминъ; Юзвицкій стоялъ блѣдный, молчалъ какъ въ ротъ воды набравши и, лишь услышалъ слова Кузьмина, пролетѣлъ несвязно: конечно, конечно, ничего не сдѣлали.—Б. А. Шванебахъ видимо болѣлъ за своихъ офицеровъ; онъ покраснѣлъ и, какъ пѣтухъ, набросился на нескромнаго говоруна.

— Что это такое, откуда? Кто вы? Какъ ваша фамилія? Заговорилъ онъ смущенно... Почему вы нашли нужнымъ такъ несносно и нелѣпо отозваться; это положительно назойливо, и

я этого положительно не ожидалъ; вотъ видите, уже вы и не имѣете той дивной деликатной скромности, хотя еще шиольной скамьи не успѣли покинуть...

Этотъ мелочной случай представлялъ собою нѣчто особое и, въ концѣ концовъ, послужилъ много къ характеристикѣ Бориса Антоновича.

По рассказамъ, которые онъ привелъ тотчасъ, какъ только узналъ фамилію смѣльчака и немного успокоился, вотъ рѣчь чемъ была суть:—лѣтомъ въ день отъѣзда Государя изъ Москвы, Б. А. Шванебахъ, подговоривъ генерала И. В. Жданъ-Пушкина—директора 1-го Моск. корпуса, рѣшилъ, съ разрѣшенія военнаго министра Дм. Алексѣев. Милютина, обратиться къ Его Величеству съ ходатайствомъ о дарованіи прощенія, исключеннымъ въ январѣ того года изъ 1-го корпуса, кадетамъ—Ашенбреннеру и Мюнхеймеру и о высочайшемъ соизволеніи на опредѣленіе ихъ обоихъ юнкерами въ училище, гдѣ они, какъ уже много испытывшіе въ своей жизни, прослуживъ болѣе полугода въ армейскихъ полкахъ рядовыми, несомнѣнно приложили бы все свои силы и старанія къ тому, чтобы исправиться и загладить свое поведеніе, приведшее ихъ къ разжалованію...

— Ты затронулъ мое больное мѣсто, сказалъ Государь; я самъ объ этомъ было-подумалъ и, много передумавъ, рѣшилъ, что нѣтъ, этому не бывать; съ твоей стороны очень похвально, что ты не задумался просить дать ихъ обоихъ тебѣ какъ обузу, во ввѣряемое тебѣ заведеніе, только-что начинающее свою служебную жизнь; глаза Государя, говорилъ Б. А., были въ тѣ минуты полны слезъ.—Нѣтъ, нѣтъ и не проси, какъ бы торопился Его Величество еще разъ отказать, точно боясь не выдержать.—А вотъ что, добавилъ Государь: уже нѣсколько лѣтъ томится, тяготясь солдатской службой въ одномъ армейскомъ полку выключенный изъ фельдфебелей Петровско-Полтавскаго корпуса за бунтъ, произведенный кадетами при директорѣ Тихоцкомъ; этого бывшаго фельдфебеля разрѣшилъ я теперь принять въ Михайловскій воронежскій корпусъ; фамилія его Купчинскій; возьми его къ себѣ въ училище и займись имъ, сдѣлай изъ него хорошаго офицера; отзывы о немъ изъ арміи, по словамъ Дмитрія Алексѣевича ¹⁾, не дурные,—побереги же его, дай ему стать на ноги.—Эти слова Государя Б. А. вспомнилъ, узнавши тутъ на мѣстѣ этого б. фельдфебеля фамилію, которая уже была извѣстна изъ имѣвшейся предварительной

¹⁾ Д. А. Милютинъ—военнаго министра.

переписки.—Б. А. понялъ, что этотъ, только-что отличившійся воронежскій кадетъ былъ тотъ самый фельдфебель;—попавъ во 2-ой спеціальный классъ Воронежскаго корпуса, онъ, со всѣми Воронежскими воспитанниками, согласно распредѣленію, данному главнымъ штабомъ по военно-учебнымъ заведеніямъ, оказался назначеннымъ въ Александровское военное училище и, вотъ случайно очутившись здѣсь, онъ всплылъ на первыхъ же порахъ, проявивъ такую несуразную „развязность“, полученную имъ несомнѣнно въ полку.

— Очень симпатично съ вашей стороны, сказалъ ему далѣе Б. А., говорить вообще такъ откровенно, но вѣдь вы положительно ¹⁾ не подумали прежде, чѣмъ произнести ваше замѣчаніе, и не знаю, рѣшая этотъ вопросъ, скажете ли вы сами, что поступокъ вашъ былъ умѣстенъ, не сдѣлали ли вы какой-нибудь неловкости, какого-либо промаха, вмѣшавшись такъ въ дѣло?

Почти всѣ мы ставшіе юнкерами, кадеты,—свидѣтели этого случая, тутъ же показали большое неодобреніе выходкѣ Купчинскаго; кто выразилъ это косымъ взглядомъ, а кто однако быть можетъ почти столь же неумѣстнымъ подражаніемъ этому выскочившему среди насъ „юнкеру изъ рядовыхъ“, т. е. попросту рѣзкимъ ворчаніемъ;—его это, какъ и вѣское замѣчаніе полковника, видимо сильно задѣло и онъ такъ же, совершенно растерявшись, принесъ съ полнымъ раскаяніемъ извиненіе; поступокъ его, конечно, былъ совершенно забытъ и всѣми нами, и, ужъ безо всякаго сомнѣнія, Борисомъ Антоновичемъ, который впоследствии, если кому-либо случалось объ этомъ эпизодѣ вспоминать, говорилъ съ полнымъ участіемъ къ Купчинскому:

— Не надо, не надо трогать этого; когда-то промахнулся молодой человекъ, что жъ дѣлать, забудемъ это; „былъ молодцу не укоръ“, добавлялъ онъ, развертывая все свое веселое, открытое лицо въ самую привѣтливую улыбку.

* * *

Скоро Купчинскому довелось показать себя въ одномъ дѣлѣ, которымъ онъ какъ бы заслужилъ и закрѣпилъ вполнѣ доброе отношеніе къ себѣ всѣхъ товарищей.

¹⁾ У Б. А. Шванебаха всѣ замѣчали привычку часто употреблять слово „положительно“; онъ произносилъ его какъ-то особенно, мягко напирая „на слогъ жи“ и во время волненія повторялъ это слово поминутно.

— Въ первое время, собравшись въ училище, мы пережили такой сумбуръ, говаривалъ впоследствии Борисъ Антоновичъ, что рѣшительно не находили минуты подумать, какой день, какое число и даже какой мѣсяцъ идетъ. Ничего не было еще установлено и, къ стыду моему, долженъ я сознаться, не было заведено обязательнаго посѣщенія храма Божія.—Въ первую же субботу я замѣтилъ однако, что мои новые сослуживцы положительно стали къ вечеру наполнять церковь, въ которую ходъ находится тутъ же изъ корридора, выходящаго на лѣстницу параднаго подъѣзда: больше скажу, повтому собственно я установилъ, что день тотъ былъ субботній.

Посѣтивъ храмъ среди всеобщей, я съ удовольствіемъ увидѣлъ его наполненнымъ, а человекъ пять—шесть кадетъ-юнкеровъ взобравшимися на клиросъ, гдѣ они звонкими пріятными голосами подпѣвали гнусившему на другомъ клиросѣ дьячку;—каково было мое удовольствіе, когда я разглядѣлъ, что большая часть этихъ „подпѣвалъ“ имѣли на своихъ курткахъ красные погоны 1-го московскаго корпуса и двое изъ нихъ оказались изъ числа замѣченныхъ мною еще на Савкиномъ полѣ бунтарей, весело мѣсяца за полтора передъ тѣмъ распѣвавшихъ при Государѣ „Лермонтовское Бородино“.

Дождавшись конца богослуженія, я подзвалъ къ себѣ въ корридорѣ этихъ голосистыхъ друзей своихъ и спросилъ ихъ— не могутъ ли они, собравшись и сговорившись между собой, составить постоянный хоръ пѣвчихъ?

— Триста здоровыхъ молодыхъ грудей, какое пѣніе должно будетъ раздаться въ нашемъ храмѣ и сколько наслажденія принесетъ оно всѣмъ намъ; вотъ сегодня я испыталъ большое удовольствіе, послушавши свѣтлыя вами три-четыре молитвы; много среди васъ хорошихъ голосовъ, немало музыкальныхъ юношей; а вѣдь во всѣхъ пяти корпусахъ, кои доставили мнѣ васъ въ видѣ служебнаго и учащагося матеріала,—въ каждомъ имѣлся хоръ пѣвчихъ, значить, какой просторъ для выбора пѣвчихъ изъ каждаго хора.

Кадеты, обрадовавшись этой затѣѣ начальника училища лютеранина, заявили ему, что уже сами объ этомъ подумывали и собирались только дождаться спокойнаго времени для того, чтобы привести въ исполненіе эту благую мысль.—

— Ну такъ съ Богомъ и приступайте, сказалъ Б. А., чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше; въ мѣсяцъ другой уже хоръ составитъ и можетъ онъ начать совершенно регулярное пѣніе въ праздники и въ предпраздничные дни.

Сказавши это, Б. А. раскланялся и отправился было домой, но минуты черезъ двѣ спѣшно возвратился и съ большой торопливостью произнесъ: только вотъ что, я думаю, вы сами положительно понимаете, что ральше, чѣмъ начинать заводить такое доброе дѣло, надо непременно переговорить объ этомъ съ батюшкой, который теперь хотя и временно справляетъ богослуженія въ нашей церкви.—Назначенный намъ священникъ—Иванцовъ - Платоновъ прибудетъ не раньше, какъ мѣсяца черезъ полтора, а пока надо вамъ соблюсти вѣжливость по отношенію къ временному духовному отцу вашему.

Мы сразу поняли и вполнѣ оцѣнили деликатность показанную начальникомъ училища; онъ и впоследствии такимъ своимъ примѣромъ поучалъ насъ.—

Велика была радость Бориса Антоновича, когда при немъ въ послѣдовавшую затѣмъ субботу у всенощной, а на другой день въ воскресенье всю обѣдню нотю пропѣлъ нашъ собственный училищный хоръ подъ управленіемъ, только-что передъ тѣмъ, столь неприятно для себя, поразившаго всѣхъ насъ, Купчинскаго. Хоръ былъ составленъ изъ тридцати пяти человекъ почти въ равномъ числѣ, судя по букету цвѣтовъ погонь¹⁾, изъ представителей каждаго корпуса; надъ этой простой случайностью пришлось очень усердно въ теченіе цѣлой недѣли поработать Купчинскому, приложившему свое стараніе къ приведенію голосовъ, напѣвовъ и манеры пѣнія въ полное соотвѣтствіе.—Большая была его заслуга, но ее еще болѣе оцѣнили товарищи, когда все училище увидѣло, что онъ съ полною, самою твердою, настойчивостью передалъ регентство въ хорѣ Варламову, назначенному по распоряженію Б. А. Шванебаха; исправлять должность фельдфебеля въ первой ротѣ, получившей согласно объявленнаго положенія объ училищѣ, наименованіе роты Его Величества.

Взявъ на себя собственно обязанность учителя пѣнія и помощника регента по дѣламъ управленія хоромъ, Купчинскій счелъ долгомъ почетную сторону этого дѣла передать „первому изъ трехсотъ“ и тѣмъ несомнѣнно много возвысилъ себя въ глазахъ всего наличнаго состава училища.

* * *

Видя меня нѣсколько разъ бесѣдовавшимъ съ Купчинскимъ, Б. А. Шванебахъ однажды спросилъ меня, что между нами

¹⁾ Желтые—воронежцы, черные—орловцы, бѣлые—сиротинцы, синіе—2-ой Московскій и красные—1-ый Московскій.

общаго и почему меня можно видѣть чаще, чѣмъ кого-либо другого, въ общеніи съ этимъ юнкеромъ изъ рядовыхъ? Когда я объяснилъ, что, состоя фельдфебелемъ въ первой ротѣ Полтавскаго корпуса, Купчинскій имѣлъ подъ своимъ начальствомъ двухъ моихъ родныхъ братьевъ и что оба они въ годъ исключенія его изъ корпуса были оттуда же произведены въ офицеры—одинъ въ гренадерскій Самогитскій полкъ въ г. Ярославль-губернскій подпоручикомъ, а другой въ 14-й стрѣлковый батальонъ въ Одессу прапорщикомъ,—Б. А. спросилъ меня:

— Гдѣ же они теперь находятся?

— Старшій вышелъ въ отставку, а стрѣлокъ продолжаетъ свою службу въ батальонѣ, отвѣтилъ я.

— Какъ бы то ни было, оба они благополучно окончили свое ученіе въ кадетахъ, сказалъ Б. А., а ихъ начальникъ—фельдфебель эти годы ихъ пребыванія въ офицерскихъ чинахъ протянулъ нелегкую лямку рядовымъ въ строю; и посмотрите, сказалъ Б. А. уже не одному мнѣ, а группѣ собравшихся вокругъ него юнцовъ,—какая разница; Купчинскій не чета вашему Ашенбреннеру; я въ этомъ разобрался: тотъ понесъ наказаніе за то, что проявилъ массу несвойственнаго молодому человѣку эгоизма, а Купчинскій пострадалъ именно за недостатокъ въ себѣ этого постыднаго чувства;—онъ твердо выдержалъ и не выдалъ своихъ взбунтовавшихся товарищей; пострадалъ сильно, понесъ наказаніе, можетъ быть, жестокое, какъ и должно было понести при такихъ обстоятельствахъ фельдфебелю, ибо, упрямясь въ томъ, чтобы не выдать своихъ подчиненныхъ, онъ въ корню нарушалъ дисциплину, но на совѣсти у него легко, такъ какъ онъ противъ нея и противъ чувства благородства не поступился.—Врядъ-ли вашъ Ашенбреннеръ чувствовалъ себя такъ же, какъ Купчинскій;—если у него является когда-нибудь полное чувство сознанія,—онъ навѣрное можетъ только позавидовать этому, уже потершемуся нѣсколько лѣтъ среди солдатъ бывшему фельдфебелю. Оттого Государь и вспомнилъ такъ хорошо объ немъ.

Эти и подобные разговоры на первыхъ же порахъ открывали намъ, какихъ убѣжденій держался Б. А. Шванебахъ и какія понятія онъ хотѣлъ намъ привить съ первыхъ же дней нашего поступленія на дѣйствительную службу и постепеннаго нашего вступленія въ жизнь.—Скоро мы научились цѣнить и его откровенность, и его обращеніе съ нами.

Въ началѣ третьей недѣли со дня поступленія въ училище мы получили приказъ размѣститься, согласно объявленнаго намъ списка, по класснымъ комнатамъ; тутъ намъ былъ проинведенъ родъ испытанія въ пріобрѣтенныхъ нами знаніяхъ.— Числившіеся по гвард. артиллеріи: инспекторъ классовъ полковникъ С. А. Слуцкій, пом. его поручикъ Пав. Ник. Юшеновъ, присоединенные къ нимъ гвардейскіе же артиллеристы: поручикъ М. А. Зиновьевъ¹⁾, подпоручикъ В. А. Экстенъ и прапорщикъ Н. П. Нечаевъ,—коимъ предстоило преподавать намъ артиллерійскую науку, а также преподаватели русскаго языка и словесности Живаго, Стороженко и Кошъ;—всѣ они, имѣя во главѣ полковника Б. А. Шванебаха, въ теченіе трехъ или четырехъ дней обходили классныя комнаты и, задавая намъ, правду сказать, очень поверхностные вопросы по разнообразнымъ предметамъ, получали отъ насъ не менѣе поверхностные отвѣты, а въ концѣ концовъ вывели объ нашихъ успѣхахъ въ научномъ отношеніи кое-какія врядъ-ли очень обстоятельныя заключенія.

Все, что мы тогда же узнали объ этомъ, ограничивалось сообщеніемъ, опредѣлившимъ наибольшую степень развитія, обозначившуюся среди воронежскихъ кадетъ.

При этомъ С. А. Слуцкій, держа въ рукахъ наши корпусные списки съ переводными баллами, сказалъ, что, судя по степени оцѣнки, принятой въ Петербургѣ, гдѣ онъ состоялъ сначала преподавателемъ, а послѣднее время инспекторомъ во 2-мъ кадетскомъ (нынѣ Императора Петра Великаго) корпусѣ, уровень знаній кадетъ всѣхъ собранныхъ въ Москвѣ корпусовъ слабѣе, а оцѣнка нашихъ знаній болѣе снисходительная въ сравненіи съ Петербургскою; соотвѣтственно этому, сказалъ онъ, тѣмъ, кто при оцѣнкѣ, которая будетъ теперь у насъ въ училищѣ установлена, получить въ среднемъ,—общемъ полугодомъ или годовомъ отчетѣ, ниже 7^{1/2} балловъ,—тѣмъ придется считаться выдержавшими экзамены неудовлетворительно и такихъ придется выключать юнкерами въ полки²⁾.

¹⁾ Сочту долгомъ въ свое время передать въ этихъ замѣткахъ то, что покойный Борисъ Антоновичъ, не мало занятый каждымъ изъ этихъ лицъ, высказывалъ о нихъ въ добрыя минуты своихъ бесѣдъ, предаваясь воспоминаніямъ и перебирая въ глаза и за глаза все, что ихъ касалось.

²⁾ У насъ въ корпусахъ получившій въ среднемъ выводѣ шесть балловъ считался имѣвшимъ удовлетворительную для перевода или выпуска отмѣтку.

Б. А. Шванебахъ, видя, что это сообщеніе до суровости серьезнаго по наружному виду, а въ сущности добрыйшаго полковника Слуцкаго произвело на юнкеровъ громовое впечатлѣніе, смутился и тутъ же взволнованнымъ голосомъ сказалъ: да, да это такъ, но къ чему это, Сергѣй Александровичъ, вѣдь этимъ мы ихъ положительно смущаемъ, не будемъ... вѣдь не въ баллахъ дѣло, вся суть въ массѣ знаній, которыя каждый будетъ всѣми силами набирать, каждый будетъ добросовѣстно учиться; да и балловъ можетъ быть никто изъ нихъ не будетъ имѣть въ среднемъ менѣе девяти—восьми при какой угодно системѣ оцѣнки; не будемъ ихъ смущать... Духомъ они, надо надѣяться, падать не будутъ, но не будемъ и мѣръ принимать къ тому, чтобы могли падать; мы лучше будемъ стараться ихъ ободрять во всемъ.

Всѣмъ было ясно, что почтенный С. А. Слуцкій получилъ непріятное, хотя и товарищеское указаніе, самъ онъ спохватился да поздно.

* * *

Около этого времени насъ переодѣли: для домашняго обихода выдали намъ чернаго съ просѣдью сукна тужурки съ бѣлыми погонами, снабженными вензелемъ Государя Александра II, а для выхода со двора мы получили двубортные армейскіе темновеленые мундиры съ галунами на воротникахъ и на погонахъ; тогда же впервые мы получили сѣраго солдатскаго сукна шинели съ такими же украшенными вензелемъ и галуномъ бѣлыми погонами, какъ на мундирахъ.—Форма за истекшія пятьдесятъ лѣтъ въ общемъ не измѣнилась, если не считать того, что въ тѣ времена головы наши украшало пресловутое „кепи“ съ краснымъ околышемъ.—Не было ли то время порою зачатка франко-русскаго союза!

Надо было видѣть, какъ Москва взглянула на нашъ училищный батальонъ, когда его въ одинъ свѣтлый осенній день подъ музыку переведеннаго изъ 1-го московскаго корпуса прекраснаго полнаго хора, повели въ строю ближайшимъ путемъ со Знаменки на Моховую улицу въ манежъ, не называвшійся тогда иначе, какъ экзерцисхаузъ.—Народъ, а въ особенности торговки-бабы вздыхали: „эдакихъ-то молоденькихъ, гляди-ко-сь, надѣлали солдатами, да гдѣ имъ выдержать; ишь ты и шинели-то сѣрыя, да и ранцы вона какіе понацѣпили на нихъ, ахъ, сердешные, вотъ те и здравствуй,—дѣтей набрали тянуть солдатскую ляжку“.

Густыя толпы народа всѣхъ возрастовъ, сословіи и положеній, тѣсно окруживъ батальонъ, провожали невиданное до толѣ зрѣлище; а хоръ музыкантовъ громко, воинственно, ободряюще наигрывалъ, вошедшій тогда въ моду, маршъ изъ Фауста...

То полковникъ Б. А. Шванебахъ, съ нѣсколькими усиѣвшими за тѣ дни съѣхаться въ училище на службу, гвардейскими офицерами, пробирался произвести своему свѣжему юному батальону во фронтовомъ отношеніи такое же испытаніе, какое за нѣсколько дней передъ тѣмъ было ему произведено въ дѣлѣ научной классной подготовки, давшей имъ на школьной кадетской скамьѣ то или иное умственное развитіе.

Этимъ закончилось собственно наше вступленіе въ училищную жизнь; послѣ этого она вошла въ свою колею и потекла своимъ теченіемъ.

Начались серьезныя классныя занятія, между которыми особенно занимали насъ лекціи, читавшіяся въ двухъ—старшаго и младшаго класса—обширныхъ аудиторіяхъ, большею частью приглашенными къ тому профессорами Московскаго университета.

А. Андреевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

